

ЗАМЕТКИ О ПУШКИНЕ

Кто «вещий» в «Песни о вещем Олеге»

Судя по названию «Песни», казалось бы, ясно: вещий — Олег. Но по всему содержанию «Песни», по ее идее Олег совсем не вещий. Вспомним, как развивается действие. Князь на «верном коне» едет с дружиной и встречается кудесника. Контраст горделивого князя и смиренного кудесника намечается сразу: князь окружен дружинниками, кудесник одинок; князь — на коне, кудесник идет пешком: пеший конному не товарищ. Князь обращается к кудеснику с вопросом о своей грядущей судьбе:

Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня.

Кудесник с достоинством отвечает:

Волхвы не боятся могучих владык,

(это — на слова князя «не бойся меня»)

А княжеский дар им не нужен. . .

(это — на обещание награды).

Но кудесник в своем ответе не только отстаивает свое личное (и в своем лице — всех волхвов) достоинство, он еще расхваливает отменные качества княжеского коня. И это не просто. Ведь князь обещает кудеснику любого коня, значит и того, на котором он едет. Однако напрасно князь так самонадеянно полагает, что судьба коня всецело в его власти. По мнению кудесника — наоборот, судьба князя сама в зависимости от этого коня:

. . .примешь ты смерть от коня своего.

Князь не очень доверяет странному предсказанию («Олег усмехнулся»), но все же с коня слезает и больше на нем не ездит.

Проходит много лет. Князь вспоминает своего коня и, узнав о его смерти, называет кудесника лживым и безумным, сожалеет, что не презрел предсказания, и хочет увидеть хоть кости коня. Прибыв на холм, где еще сохранился череп коня, князь скорбит о своем коне и сожалеет, что этот конь не будет заклан на его погребении:

На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Да, случилось как раз обратное: не кровь коня обагрила прах Олега, а наоборот, ужаленный змеей Олег умер над трупом коня.

Кто же оказался вещим: князь ли, который таковым слыл по льстивой молве, или кудесник? Конечно, кудесник, и в свете оправдавшегося его предсказания приобретает особенное значение его похвала волхвам

Правдив и свободен их *вещий* язык.

И этот эпитет «вещий», примененный в «Песни о вещем Олеге» не к князю, а кудеснику, вскрывает, я полагаю, основную идею пушкинской баллады.

Напомним, что эпитет «вещий» у Пушкина на всем протяжении его творчества всегда связан с поэтами и провидцами: «вещим» назван глас Фонвизина (I, 164),¹ «вещи» зеницы у пушкинского «пророка» (III, 30), дважды назван «вещим» «духов властелин», предсказывающий Руслану его судьбу (IV, 79, 80), дважды назван «вещим» легендарный поэт Баян (IV, 8, 73) и, наконец, «вещим» назван «пигит» (III, 46).

В пушкинском духе и стиле, следовательно, и то, что он и в «Песни о вещем Олеге» свел к князю им незаслуженное прозвище («вещий»), как бы лишает его звания и наделяет этим эпитетом волхвов: «Правдив и свободен их *вещий* язык». Именно их, только их.

Если же перевести это состязание между кудесником и князем с языка древней летописи на язык истории, то пушкинская баллада предстанет как поэтическое изображение конфликта между «властителем дум» и властителем государства, между поэтом и царем, любым поэтом и любым царем или, в частности, между Пушкиным и Романовым. И когда Пушкин, обращаясь к поэту, говорит ему: «Ты царь» (III, 223), а о своем «Памятнике», отвергнув традиционное (от Горация до Державина) сравнение с пирамидами, утверждает, что он выше «Александрийского столпа», то

¹ Все ссылки даются на издание: П у ш к и н, Полное собрание сочинений, тт. I—XVI, Изд. АН СССР, 1937—1949.

мы, зная любовь Пушкина к обыгрыванию имен, настораживаемся и склонны усмотреть здесь намек и на собственное имя поэта, и на имя того, кому здесь поэт себя противопоставляет. Иными словами, Пушкин, в справедливом сознании своих заслуг, здесь указывает, что он, Александр Сергеевич, выше Александра Павловича, что по суду истории, да отчасти уже и современников,² он, Пушкин, — Александр Первyy: первый — в самом высшем и всеобъемлющем смысле этого слова. А ведь это то самое, о чем говорит и «Песнь о вещем Олеге», — что *вещий* не князь, а кудесник.

В заключение отметим, что Б. В. Томашевский, обычно очень убедительно комментирующий произведения Пушкина, значения этой пушкинской баллады, по-моему, недооценил. Он пишет: «Почти никогда Пушкин не обращается к истории вне ее связи с современностью, а „Песнь о вещем Олеге“ кажется какой-то картинкой, никак с прочим творчеством Пушкина не связанной».³

Это не так. Во-первых, «Песнь о вещем Олеге» — одно из совершеннейших произведений Пушкина, а не «какая-то картинка»; во-вторых, «Песнь» совершенно не изолирована от всего творчества Пушкина, а органически связана со многими его произведениями («Поэт», «Поэту», «Эхо», «Памятник» и др.), в которых отразились глубокие раздумья о месте поэта в обществе и государстве.

Топол и тополь

«Разве не странно, например, — пишет Л. Успенский, — что слово „тополь“ для молодого Пушкина являлось существительным мужского рода и выговаривалось, как „топол“, а позднее превратилось в „тополь“ и перешло в женский род: „Здесь вижу с тополom сплелась младая ива“, — писал он в 1814 году, а в 1828 году рассказывал о том, как „хмель литовских берегов, немецкой тополью плененный, через реку меж тростников переправлялся дерзновенный. . .“»⁴

«Разве не странно. . .»? Нет, не странно, а вполне последовательно. В обоих приведенных примерах Пушкин, сочетая деревья, находчиво использовал разность их грамматических родов: там, где «ива» (женского рода), с ней сплетается «топол» (мужского рода), а где «хмель» (мужского рода), там он «тополью» (женского рода) пленен и (уподобление в эротическом аспекте продолжается) через реку переправляется и «обнимает друга».

Именно по этой и ни по какой другой причине у Пушкина соответственно контексту «тополь» то мужского, то женского рода.⁵ Это словопотребление было для Пушкина еще облегчено благодаря тому, что «тополь» искони был женского рода. Так, в рукописном сборнике нравоучительных слов Иоанна Златоуста (сборник XII века, напечатан в 1878 году) мы находим выражение «под дубием и тополию». Да и в XIX веке, в пушкинское же время, «тополь» употреблялся и в женском роде, как например у Лермонтова:

За тополью высокою
Я вижу там окно. . .

(«Свидание»)

Полагаю, что и в поэме «Полтава», где сравниваются Мария Кочубей и тополь («Как тополь киевских высот, Она стройна. . .»), тополь тоже рода женского: это следует не только из того, что не во вкусе и стиле Пушкина сравнивать лицо женского рода с деревом мужского, но подтверждается еще и следующими соображениями.

Один из кишиневских знакомцев Пушкина И. П. Липравди сообщает, что у Пушкина был уже законченный рассказ на сюжет молдавского предания «Дафна и Дабижа». Рассказ этот до нас не дошел, но его содержание нам известно из напечатанной в 1838 году в «Сыне отечества» (за подписью Болеслава Хиждеу) молдавской легенды «Дабижа», в которой есть следующие строки: «Богат и велик господарь Истрат Дабижа: но он богат не золотом венгерским и не серебром яшским. . . а богат дочерью Домницею Дафною. . . И прекрасна была дочь его Домница Дафна. прекраснее брындуши, развевающейся ранней весною. . . Стан ее был так строен. . . как византийская тополь, возвышающаяся над берегами Днестра».⁶

² В письме к Рылееву Пушкин, разумея под «нашим приятелем» Александра I, пишет: «. . . загляни в журналы, в течение 6-ти лет посмотри, сколько раз упоминали обо мне, сколько раз меня хвалили поделом и понапрасно, — а об нашем приятеле ни гугу, как будто на свете его не было» (XIII, 219).

³ Б. Томашевский. Пушкин, кн. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961. стр. 171.

⁴ Л. Успенский. Слово о словах. Изд. «Молодая гвардия», 1957, стр. 210.

⁵ Так же, как у Пушкина, и в стихотворении Гейне о двух влекущихся друг к другу деревьях одно из них мужского рода, другое — женского. Лермонтов же в переводе этого стихотворения, взяв оба дерева (сосну и пальму) женского рода, этим умалил и идею и поэтичность подлинника. В тютчевском переводе этого стихотворения («С чужой стороны. Из Гейне») сохранена полярность грамматических родов в наименованиях деревьев: кедр и пальма.

⁶ «Сын отечества и Северный архив», 1838, т. I, февраль, отд. I, стр. 232.

Приводя эту молдавскую легенду, Б. Томашевский указывает, что нет «никакого сомнения, что рассказ Хиждеу передает то самое предание, которое положил в основу своего рассказа и Пушкин», и что «если Б. Хиждеу точно воспроизводит предание, то можно полагать, что в начальной части „Полтавы“ Пушкин воспользовался образным зачином молдавской повести».⁷

Это действительно так. Начальные строки «Полтавы»

Богат и славен Кочубей.

Но Кочубей богат и горд
 Не долгогривыми конями,
 Не златом, данью крымских орд,
 Не родовыми хуторами,
 Прекрасной дочерью своей
 Гордится старый Кочубей

чень близки своими отрицательными сравнениями и перечислениями зачину молдавского предания. Очень близко и описание красоты Дафны из молдавского предания и Марии из поэмы Пушкина:

Она свежа, как внешний цвет,

 Как тополь киевских высот
 Она стройна.

В обоих случаях красота дев сравнивается с внешним цветом, в обоих случаях стройность их станов уподобляется тополям, растущим на высотах. Но в молдавском предании «тополь», с которой сравнивается Дафна, женского рода («византийская тополь»); полагаю, что такова и «тополь» в «Полтаве».⁸

Пушкинские реминисценции из Крылова

Когда помилует нас бог,
 Когда не буду я повешен,
 То буду я у ваших ног. . .

(III, 150)

Но предаю себя проклятью,
 Когда я знаю. . .

(II, 446)

Когда Борис хитрить не перестанет,
 Давай народ искусно волновать. . .

(VII, 8)

Дай ответ,
 Когда не хочешь пытки новой. . .

(V, 42)

Во всех этих (и множестве подобных) примерах слово «когда» употреблено не во временном, а в условном смысле, означает — «если».⁹ В этом же значении употреблено слово «когда» и в начале «Евгения Онегина»:

Мой дядя самых честных правил,
 Когда не в шутку занемог. . .

Именно это значение слова «когда» позволяет по-новому осмыслить весь стих: мой дядя честен, *если* он не в шутку, а всерьез занемог. Сразу, уже с первых слов Онегина, мы в этом выражении узнаем язык «молодого повесы». Но этот же язык «повесы»

⁷ Б. Томашевский. Пушкин, кн. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 468 и прим. 120. См. также: Г. Ф. Богач. Молдавские предания, записанные Пушкиным. В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей Всесоюзной пушкинской конференции. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 213—240.

⁸ Так поступает Пушкин и в других сходных случаях. В стихотворении «Поэт идет: открыты вежды» (в «Египетских ночах») мы читаем: «. . . месяц любит ночи мглу» (месяц — мужского рода, мгла — женского).

⁹ По «Словарю языка Пушкина» такое словоупотребление встречается у Пушкина 101 раз.

сказывается не только во втором, но и в первом стихе. В басне Крылова «Осел и мужик» имеется стих:

Осел был самых честных правил. . .

Онегин как бы цитирует этот стих, но заменяет в нем слово «осел» словами «мой дядя», показывая, что «осел» и «дядя» для него равнозначны.¹⁰

Подобные вариации крыловских стихов практикует, но уже без всяких шуток, и сам Пушкин.

У Крылова:

На берег выброшен кипящую волной. . .

(«Пловец и море»)

У Пушкина:

На берег выброшен грозою. . .

(«Арион»)

У Крылова:

Куда я беден, боже мой!
Нуждаюсь во всем; к *тому ж* жена и дети. . .

(«Крестьянин и смерть»)

У Пушкина:

Я бедный человек; к *тому ж* жена и дети. . .

(«Послание цензору»)

В последнем стихе Пушкин сохранил не только, и в той же последовательности, крыловские «беден» и «жена и дети», но и очень остроумный звуковой сдвиг: стоящие рядом «тому» и «ж» звучат как «муж», что очень уместно: где жена и дети, там и муж. . .

Этот же звуковой сдвиг Пушкин повторяет в «Графе Нулине», используя его как составную рифму и мнимый читателю «подсказ»:

Но кто же более всего
С Натальей Павловной смеялся?
Не угадать вам. Почему *ж*?
Муж? — Как не так! совсем не *муж*.

Не без влияния крыловских стихов

. . . и я его (льва, — М. А.) *лягнул*:
Пускай *ослиные копыта* знает!

(«Лисица и осел»)

и стихи Пушкина:

Что геральдического *льва*
Демократическим копытом
Теперь *лягает* и *осел*. . .

(«Еззерский»)

Возможно, что и эпитет «хрупкий» к «снегу» у Пушкина также из крыловского арсенала. Слово «хрупкий» на всем протяжении сочинений Пушкина (а также и его писем) встречается только один раз, в описании сна Татьяны:

То в хрупком снеге. . .

и в том же сочетании, как у Крылова

По снегу хрупкому. . .

(«Мот и ласточка»)

Число подобных переключений между крыловскими и пушкинскими стихами можно было бы значительно увеличить, но мы укажем только еще на один пример,

¹⁰ Об этом см. в «Комментарии к роману А. С. Пушкина „Евгений Онегин“» Бродского (М., 1932, стр. 7). Ср. у Гоголя — генерал Бетрищев говорит Чичикову о его дяде:

„Экой осел! Ты, братец, не сердись. . . Хоть он тебе дядя, а ведь он осел“.

„Осел, ваше превосходительство, хоть и родственник и тяжело сознаваться в этом, но что ж делать?“» (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VII, Изд. АН СССР, 1951, стр. 45).

